DOI: https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-33-42
УДК 94(470) “1917” + 902/904 + 930(092)

«ТАК МАЛО ОСТАЕТСЯ ВРЕМЕНИ И ВОЛИ ДЛЯ НАУКИ»: ПИСЬМО А. А. БОБРИНСКОГО К Л. А. МОИСЕЕВУ (1917 Г.)

А. В. Шаманаев
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
пр. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620000, Россия

Аннотация.
Введение. Автор анализирует содержания письма (20 августа 1917 г.) известного организатора науки, археолога периода Российской империи Алексея Александровича Бобринского (1851-1927) к Лаврентию Алексеевичу Моисееву (1882-1946), заведующему раскопками Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе. **Материалы и методы.** Исследование выполнено с применением принципов историко-антропологического подхода, особый акцент сделан на использовании приемов исторической психологии. Рукописный подлинник документа сохранился в фонде Научно-архивного отдела Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес-Таврический» (г. Севастополь, Крым, Российская Федерация). **Результаты.** В письме содержаться ценные сведения об истории археологических исследований в Крыму и на Кавказе в 1917 г., информация о повседневной жизни на юге России летом 1917 г., представления А. А. Бобринского о перспективах научно-археологического изучения Кавказа. В тексте отражены реалии революционного периода: проблемы с транспортом, почтовым сообщением, финансовые трудности; наглядно показаны попытки археологов организовать полевые исследования в сложных политических и социально-экономических условиях. Автор письма избегает категоричных оценок изменений в жизни российского общества, его подлинное отношение к ним реконструируется через анализ скрытых в тексте смыслов и символов. Анализ текста показал, что за внешним оптимизмом скрываются тяжелые душевные переживания и негативное отношение к переменам, вызванным февральской революцией. **Заключение.** По мнению автора, текст дает возможность оценить психическое состояние А. А. Бобринского, вынужденного уехать из Петрограда и отойти от активного участия в деятельности Археологической Комиссии. Композиция текста, обороты речи, аллюзии позволяют предположить, что А. А. Бобринский находился в состоянии сильного стресса, что могло оказать влияние на его дальнейшую активность, в том числе – решение покинуть Россию. Автор полагает, что использование приемов исторической психологии для изучения источников личного происхождения дает ценную информацию для понимания скрытых мотивов поведения исторических личностей.

Ключевые слова: История России, история науки, история археологии, историческая психология
Для цитирования: Шаманаев А. В. (2024). «Так мало остается времени и воли для науки»: письмо А. А. Бобринского к Л. А. Моисееву (1917 г.) // История: факты и символы. № 4 (41). С. 33-42 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-33-42
Статья поступила: 17.08.2024
Статья принята в печать: 20.10.2024
Статья опубликована: 11.12.2024
© Шаманаев А., 2024

"THERE IS SO LIMIT TIME AND WILL LEFT FOR SCIENCE": A. A. BOBRINSKY'S LETTER TO L. A. MOISEYEV (1917)

Andrey V. Shamanaev
Mira Ave., 19, Yekaterinburg, 620000, Russia,
first President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University

Abstract
Introduction. The author analyzes the the letter (August 20, 1917) by Alexey Alexandrovich Bobrinsky (1851-1927, a widely known Russian Empire science manager, archaeologist) to Lavrenty Alekseevich Moiseyev (1882-1946, head of the Imperial Archaeological Commission excavations in Chersonesos). **Materials and methods**. The study is based on the principles of historical and anthropological approach. The source was analyzed using the methods of historical psychology. The handwritten original of the document has been preserved in the collection of the Scientific and Archaeological Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonesos" (Sevastopol, Crimea, Russian Federation). **Results**. The letter contains valuable information about the history of archaeological research in Crimea and the Caucasus in 1917; information about everyday life in the South Russia in the summer of 1917; Alexey. A. Bobrinsky's opinions about the prospects of scientific and archaeological study of the Caucasus. The text presents the realities of the revolutionary period: problems with transport, postal service, financial difficulties; it clearly shows the attempts of archaeologists to organize field research in difficult political and socio-economic conditions. The author of the letter does not use categorical assessments of changes in the life of Russian society. His real-life position is reconstructed through the analysis of meanings and symbols hidden in the text. The analysis of the text showed that the author of the letter used external optimism to hide difficult emotional experiences and a negative attitude towards the changes after the February Revolution. **Conclusion.** According to the author, the text makes it possible to assess the mental state of Alexey A. Bobrinsky. He was forced to leave Petrograd and activities in the Archaeological Commission. It can be established Alexey A. Bobrinsky was in a state of severe stress, which is shown by the composition of the text, turns of speech, allusions. Probably, this could have influenced his further activity, including the decision to leave the Russia. The author believes that historical psychology can be used to study the sources of personal origins and provides valuable information for understanding the hidden motives of the behavior of historical persons.

Keywords: History of Russia, history of science, history of archeology, historical psychology
For citation: Shamanaev A. V. (2024). "There is so limit time and will left for science": A. A. Bobrinsky's letter to L. A. Moiseyev (1917) In *History: facts and symbols* 4 (41), 33-42 https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-33-42
Conflict of interest: Denis Lyapin is a Leading Researcher of the founder of the journal – Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal. The author also declares no conflict of interest.
Received: 17.08.2024
Revised: 20.08.2024
Published: 11.12.2024
© Shamanaev A., 2024

1. Введение

Среди исследователей и организаторов археологической науки конца XIX – начала XX в. особое место занимает Алексей Александрович Бобринской (Бобринский, 1852–1927). Аристократ, ученый, государственный деятель Российской империи, после 1917 г. он разделил судьбу многих соотечественников и закончил свой жизненный путь на чужбине. Долгие годы биография бывшего председателя Императорской Археологической Комиссии (ИАК), много сделавшего для развития отечественной археологии и системы охраны культурного наследия, не привлекала внимания исследователей.

2. Материалы и методы

Интерес к личности А. А. Бобринского, сформировавшийся на рубеже XX–XXI в. и устойчиво сохраняющийся в настоящее время, обусловлен не только политическими переменами в России. Существенные изменения произошли в подходах к исследованиям прошлого археологической науки: изучение практик, институализированных структур, биографий способствовали переходу истории археологии на уровень субдисциплины. При этом, широкое применение получил историко-антропологический подход, позволивший фокусировать внимание на деталях биографий археологов прошлых лет [11, с. 24-25; 16, с. 7-10; 20; 23, Trigger, p. 5-17].

На этом фоне все чаще привлекаются не классические подходы к изучению документальных свидетельств, оставленных представителями науки. Все большее внимание исследователей вызывают личные письма, мемуары и другие виды эго-документов. Применение специфических приемов анализа, в том числе исторической психологии, дает возможность получить представление о самой личности, ее внутреннем мире, особенностях восприятия мира, глубоко личном отношении к историческим процессам и явлениям, реакциях человека на политические и социальные трансформации [4, с. 19-24; 7, с. 18-20].

Нужно отметить, что к настоящему времени развернутая биография А. А. Бобринского представлена в статьях И. Л. Тихонова [18; 19]. Деятельность Алексея Александровича на посту председателя Императорской Археологической Комиссии детально рассмотрена на страницах фундаментального исследования по истории этого ведомства [12, с. 109-247]. В меньшей степени авторы публикаций, посвященных А. А. Бобринскому, обращались к особенностям его личности. Как правило, характеризовались политические взгляды графа (либеральные в молодые годы, консервативные в зрелом возрасте), отмечались его ироничность, трудолюбие, склонность к художественному творчеству [13, с. 73-76; 19, с. 99-100, 111-112]. Значительный материал для понимания персональных особенностей А. А. Бобринского дают воспоминания его сына Алексея Алексеевича, опубликованные И. Л. Тихоновым [3].

В научном архиве Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (г. Севастополь) сохранилось письмо А. А. Бобринского к Л. А. Моисееву, написанное 20 августа 1917 г. в Кисловодске (подлинник, рукопись) [14, л. 151-152об.]. Документ, сопровожденный весьма краткими комментариями, был издан Л. О. Гриненко более двадцати лет назад в малоизвестном журнале «Донская археология» [9, с. 110-113]. Автор публикации рассмотрела фактические обстоятельства создания этого текста, но мало внимания уделила его содержанию. Однако, письмо заслуживает более пристального изучения, так как дает ценную информацию о личности А. А. Бобринского, особенностях восприятия им революционных перемен в России, о повседневной жизни летом 1917 г. на юге России.

3. Результаты

После свержения самодержавия, А. А. Бобринской, отсутствовавший в февральские дни 1917 г. в Петрограде, по рекомендации А. Ф. Керенского (1881–1970) не стал возвращаться в столицу и отправился на Кавказ, избрав местом своего пребывания курортный Кисловодск [18, с. 100]. Граф лишился поста члена Государственного Совета, но формально оставался главой Археологической Комиссии [21, с. 215]. В Кисловодске он проживал в дорогой частной гостинице «Парк» [9, с. 112]. Оказавшись в стороне от политической и общественной жизни

А. А. Бобринский занялся археологическими изысканиями. В апреле 1917 г. Археологической Комиссией был выдан открытый лист на право проведения раскопок в Терской области и выделено 300 руб. на расходы. Работы были проведены в мае–апреле 1917 г., исследовались курганы около Кисловодской товарной станции [2, с. 138; 3, с. 532].

А. А. Бобринский, по мере возможности, сохранял отношения с коллегами, в том числе – Л. А. Моисеевым (1882–1946) заведующим раскопками и «Складом древностей» Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе (г. Севастополь). Лаврентий Алексеевич Моисеев был назначен на эту должность в сентябре 1914 г. [17, с. 552]. При этом А. А. Бобринской приложил значительные усилия для того, чтобы добиться его освобождения от воинской повинности и отправки на фронт [12, с. 235].

Письмо А. А. Бобринского от 20 августа 1917 г. было написано в связи открытием Л. А. Моисеевым остатков античной Киркинитиды при раскопках на Карантинном мысу в Евпатории [10, с. 35; 17, с. 552-554;]. В июне 1917 г. информация об открытии была опубликована в газетах и привлекала внимание А. А. Бобринского. В телеграмме Л. А. Моисееву от 30 июня 1917 г. он запросил подробности исследований, а также сообщил о намерении лично посетить Евпаторию для ознакомления с результатами работ Лаврентия Алексеевича [9, с. 112]. Обстоятельства жизни революционной России не позволили Алексею Александровичу немедленно реализовать свои планы. Только в конце августа 1917 г. он вновь обратился к идее поездки в Крым.

Заслуживает внимания композиция текста письма А. А. Бобринского. Можно выделить три части, существенно различающиеся по содержанию и отражающие противоречивые чувства, которые испытывал автор. В первой части, наиболее насыщенной бытовыми подробностями и суждениями о текущем положении, А. А. Бобринский сообщает о деталях предполагаемого визита в Евпаторию. Вторая часть, содержит информацию о раскопках графа в Кисловодске, размышления о перспективах археологического изучения Кавказа, ремарки о текущем положении дел в Археологической Комиссии. Завершающая письмо, третья часть – пространные рассуждения о заслугах будущего исследователя древностей Кавказа перед наукой. Прослеживается изменение эмоциональной окраски текста в соответствии с этими частями: пессимизм автора в первой; реалистический взгляд и ирония во второй; яркий эмоциональный всплеск оптимизма в третьей.

Стоит отметить явную симпатию автора письма к адресату: «многоуважаемый», «очень Вам благодарен за телеграмму», «позволю себе еще раз беспокоить Вас», «Еще раз спасибо за отзывчивость Вашу. Очень будет приятно повидать Вас и отвести душу в размышлениях о старине», «желаю всего (не сколько меньше!) хорошего» [14, л. 151-152об.]. Так, обычные вежливые формы конструктивно усиливаются повторяющимися «еще раз», «очень», восклицательным знаком, подчеркивающими благожелательное отношение, что проявляется во всех случаях непосредственного обращения к получателю письма.

Об открытиях в Евпатории Л. А. Моисеева, побудительном мотиве переписки, А. А. Бобринский ограничивается единственной фразой: «Интерес к евпаторийским раскопкам огромный» [14, л. 151]. Но, завершив обсуждение дателей поездки в Крым в первой части письма, автор начинает вторую с упоминания об якобы обнаружении Н. И. Веселовским (1848–1918) при раскопках кургана у ст. Елизаветинская Кубанской обл. (совр. ст. Елизаветинская, г. Краснодар) античного бронзового нагрудника: «У Николая Ивановича, говорят, опять появилась голова Медузы на панцире великолепного образца» [14, л. 151об.]. Данный пассаж свидетельствует о том, что А. А. Бобринской в это время не имел доступа к достоверной информации о деятельности членов Археологической Комиссии. Н. И. Веселовский нашел единственный нагрудник в 1914 г. Летом 1917 г. он продолжил исследования Елизаветинского могильника, которые не привели к столь сенсационному открытию [5, с. 480; 6]. Вероятно, искаженная информация была опубликована в газетах: о раскопках Н. И. Веселовского в августе 1917 г.

писали «Свободное слово», «Отклики Кавказа», «Терек») [1, с. 25]. Так, глагол «говорят» А. А. Бобринской использует несколько иносказательно.

О собственных раскопках А. А. Бобринской пишет очень кратко: «Пробовал и я копать здесь: разграбленное центральное и небольшая боковая могила, без вещей. Но интересно построение могил в больших плитяных каменных ящиках, прикрытых огромнейшими плитами, заваленными каменными горками» [14, л. 151об.-152].

В тих словах чувствуется разочарование, что усиливается во второй части письма, где автор воодушевленно говорит о перспективах археологического изучения региона, под руководством некоего центрального археологического ведомства: «непременно должно будет обратить внимание на весь этот край Минеральных Вод у склонов гор в 80 верстах от Эльбруса. Здесь все исполнено останками прошедших времен и следами перекочевания безчисленных племен и народов. Условия горной местности, недоступность многих курганов, поставленных на верхушках недосягаемых хребтов; разные отдельные погребения; пещерные могилы; насыпные холмы, приделанные к природным выступам скал; затем рассказы туземцев о каменных бабах и других «памятниках»… Но копать здесь – научно копать – не легко. Аулов мало; условия обитания в степи трудные; в горах еще негостеприимные. Зато, – одно скалистое укрепленное много поселение прозванное «Рим»-гора испещренное ходами, провалами, сорными кучами с костями и черепками чего стоит!» [14, л. 152об.].

Этот фрагмент текста может произвести впечатление, что написан он человеком уверенном в завтрашнем дне, планирующим в ближайшем будущем приступить к активным исследованиям, готовым преодолеть трудности организации экспедиций. Однако, А. А. Бобринской не проводит никакой связи между этими перспектива и собой. По сути, это суждения стороннего наблюдателя, который обращается к неопределенному адресату, но не ассоциирует себя с этими привлекательными разработками.

В еще большей степени, эта дистанция отражена в заключительных фразах письма. Ее общий тон можно назвать пафосно-оптимистическим. В отличие от предыдущей части, здесь проявляется авторское эго: «я мечтаю», «моему Сизифу». Однако в контексте это только подчеркивает дистанцию между «я» и будущими исследованиями: «Вот я и мечтаю о том грядущем мирном времени, когда можно будет послать сюда трудолюбивого и выносливого Сизифа-археолога, снабдив его *крупными* (подчеркнуто в тексте – *А. Ш.*) средствами (тут не малые деньги – ничего не поделать; нужна солидная затрата) и – в результате: труд, основанный на (по меньшей мере) сотне исследованных насыпей о путях следования народов, в течение веков, между Каспием и Понтом Эвксинским! Это венец бессмертия будущему моему Сизифу!» [14, л. 152об.]. Стоит обратить внимание, что внешний оптимизм А. А. Бобринского дезавуируется сравнением потенциального исследователя с Сизифом. Из всего богатства античной мифологии граф выбрал символ тяжелого, бесперспективного и бессмысленного труда.

Вероятно, в момент написания письма А. А. Бобринской испытывал тревогу, имел мрачные предчувствия, находился в состоянии ожидания негативных событий, неопределенности. Эти ощущения отразились в тех, случаях, когда автор обращался к практическим вопросам, связанным с поездкой в Евпаторию. А. А. Бобринской просил Л. А. Моисеева изыскать возможность обеспечить проживание в городе. При этом, Алексей Александрович подчеркивал скромность своих запросов: «Я знаю, насколько просьба об отыскании помещения затруднительна. Здесь в Кисловодске, например, это было бы абсолютно невозможно. Все занято и переполнено. Во всяком случае, я Вам телеграфирую и буду ожидать Вашего ответа. Желательно бы две комнаты, так как приеду не один. Что касается срока моего помещения, то это зависит от комнат; если можно нанять дней на 10 прекрасно; или меньше; если нельзя иначе, или на больший срок – это мне безразлично. Никаких «помещений» (излюбленных гостиницами), мне, конечно, не надо. Простые две комнаты – это высший мой дезидерат. Знаю, что баснословно все дорого и к этому приготовляюсь» [14, л. 151-151об.].

В этом фрагменте текста стоит обратить внимание на высказывание о баснословной дороговизне, особенно подтверждающее тяжелое психическое состояние А. А. Бобринского. Род Бобринских принадлежал к числу самых состоятельных фамилий Российской империи. По свидетельству сына графа, до конца октября 1917 г. финансовых проблем семья не испытывала [3, с. 524].

А. А. Бобринской соотносил приезд в Евпаторию с возможностью найти там жилье. Однако, несколькими строками выше он пишет: «Совершенная невозможность выехать из Кисловодска мало-мальски удобно вынудила меня отсрочить мой приезд в г. Евпаторию. Не гарантирован даже благополучный путь до Ростова (Ростов-на-Дону – *А. Ш.*). При таких обстоятельствах буду ожидать восстановления более или менее нормальных условий и возможности получить плац-карту или номерованное место» [14, д. 146, л. 151].

Так, Алексей Александрович, с одной стороны, конкретизирует условия пребывания в Евпатории, с другой – ставит внешний барьер, ставящий под сомнение возможность поездки. Показательно, что осенью 1917 г. 65-летний граф совершил стремительное перемещение из Кисловодска в Петроград (прибыл 7 ноября), совершенно не смущаясь трудностей передвижения и не ясных перспектив жизни в столице [15, с. 1071].

Показательным является и высказывание А. А. Бобринского о положении дел в Археологической Комиссии. В контексте рассуждений о будущих исследованиях археологических памятников на Кавказе, он использует неопределенное понятие «центральное археологическое ведомство», о котором пишет (с ироний, даже сарказмом и некоторым раздражением): «будь оно в управлении Головина или Ольденбурга, безразлично (желаю им обоим благоденствие на постах!)» [14, л. 152]. Так, А. А. Бобринской выразил свое отношение к неопределенному положению Комиссии и деятельности Ф. А. Головина (1867–1937), назначенного комиссаром Временного правительства над бывшими структурами Министерства императорского Двора и Уделов, а также министра народного просвещения С. Ф. Ольденбурга (1863–1934). В действительности, весной-осенью 1917 г. проекты реорганизации Комиссии находились на стадии подготовки, кадровых изменений в ее составе не было [15, с. 1067-1070]. Вероятно, ремарка А. А. Бобринского отражала его реакцию на состояние неопределенности положения Комиссии и ее председателя.

4. Заключение

Поездка А. А. Бобринского в Евпаторию не состоялась. Л. А. Моисеев пережил годы иностранной оккупации Севастополя, Гражданской войны, до 1924 г. возглавлял Херсонесский музей, в конце 1930-х гг. отошел от археологических исследований, работал в советских учреждениях [8; 22]. Тревожные ожидания А. А. Бобринского полностью оправдались: навсегда уехал из Кисловодска (конец октября 1917 г.), последний раз приехал в Петроград (ноябрь 1917 г.), последний раз участвовал в заседании Археологической Комиссии (8 мая 1918 г.), навсегда покинул Петроград (июль 1918 г.) и Россию (1919 г.) [15, с. 1071-1076; 19, с. 102].

Письмо А. А. Бобринского от 20 августа 1917 г. наглядно отражает психическое состояние стресса, которое испытывал автор. Судя по его дальнейшей активности, Алексею Александровичу удалось на какое-то время адаптироваться к новой реальности. Однако перипетии жизни в революционный период, вероятно, привели к новой депрессии. Весьма вероятно, что сильный эмоционально-психологический стресс стал важным скрытым мотивом его эмиграции. Лучше всего, личностные переживания А. А. Бобринской выразил сам, печально заметив в письме к Л. А. Моисееву: «Если бы только не переживаемое нами кошмарное время, где так мало остается времени и воли для науки, для отвлеченных занятий, для созерцания прекрасного...» [14, л. 151].

Список источников и литературы

1. *Археологическая хроника*. (1918) // Известия Археологической Комиссии. Вып. 66. Прибавление. С. 1-58.

2. Белова, Н. А. (2009). *Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела научного архива Института истории материальной культуры РАН* // Приложение. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 12-140.

3. Бобринской, А. А. (2003). *Граф Алексей Александрович Бобринской. 1852–1927 (Сын об отце)* // Культурное наследие российского государства. Вып. 4. СПб.: Вести. С. 479-532.

4. Бушев, А. Б. (2015). *Эго-документы: мемуарное письмо* // Восточнославянская филология. Языкознание. Вып. 1 (27). С. 19-27.

5. Вахтина, М. Ю. (2009). *Императорская Археологическая Комиссия и изучение скифских древностей юга Российской империи* // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 402-486.

6. Веселовский, Н. И. (1918). *Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы* // Известия Археологической Комиссии. Вып. 65. С. 1-8.

7. Воронов В. Н., Ипполитов, Г. М., Филатов, Т. В. (2018). *Эго-документы как историко-психологический источник исследования проблематики Гражданской войны в России (1917–1922 годы)* // Мир образования – образование в мире. № 3 (71). С. 14-22.

8. Григорьева, О. В., Медведева, М. В. (2022). *Л. А. Моисеев (1882–1946) и ГАИМК: работы в Крыму 1927–1929 гг.* // Западная Таврида в истории и культуре средневекового Средиземноморья. Материалы IV научно-практической конференции, п. Черноморское, 9–11 сентября 2022 г. Симферополь: АРИАЛ. С. 48-62.

9. Гриненко, Л. О. (2000). *Письмо графа А. А. Бобринского о древностях Северного Кавказа* // Донская археология. № 3–4. С. 110-113.

10. Кутайсов, В. А. (2011). *История исследования античных памятников северо-западного Крыма* // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 17. С. 30-63.

11. Лебедев, Г. С. (2003). *Труды А. А. Формозова по истории русской археологии и их роль в становлении отечественной археологической науки* // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 24-34.

12. Медведева, Л. М., Всевиов, Л. М., Мусин, А. Е., Тихонов, И. Л. (2009). *Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг.* // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 21-247.

13. Мурзанова, М. (1931). *Воспоминания А. А. Бобринского (1880–1881 годы)* // Каторга и ссылка. Кн. 3 (76). С. 73-129.

14. Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический»). Д. 146.

15. Платонова, Н. И., Мусин, А. Е. (2009). *Императорская Археологическая Комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг.* // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 1065-1115.

16. Смирнов, А. С. (2011). *Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века)*. М.: Институт археологии РАН. 592 с.

17. Стоянов, Р. В. (2009). *Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического* // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 522-555.

18. Тихонов, И. Л. (2002). *Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог граф. А. А. Бобринской* // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. Т. 1. С. 72-88.

19. Тихонов, И. Л. (2003). *Последний председатель Императорской археологической Комиссии граф А. А. Бобринской* // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 95-117.

20. Тункина, И. В. (2011). *История отечественной науки на современном этапе: антропологический поворот* // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.-М.-Великий Новгород: Институт истории материальной культуры РАН. Т. 2. С. 354-356.

21. Тункина, И. В. (2017). *Бобринский (Бобринской) Алексей Александрович* // Жебелев С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). М.: Индрик, 2017. С. 215.

22. Шаманаев, А. В. (2023). *Организация охраны памятников Херсонеса в условиях немецкой оккупации Крыма в 1918 г.* // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: сб. ст. по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 24-25 ноября 2022 г. Симферополь: АРИАЛ, 2023. С. 187-193.

23. Trigger, B. G. (2006). *A history of archaeological thought*. New York: Cambridge University Press. 710 p.

References

1. *Arkheologicheskaya khronika* [Archaeological Chronicle]. (1918) in *Izvestiya Arkheologicheskoi Komissii*, 66 (Supplement), 1-58. (in Russian).

2. Belova, N. A. (2009). *Perechen' materialov ekspeditsii i issledovanii v fonde Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii Rukopisnogo otdela nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* [List of materials from expeditions and studies in the collection of the Imperial Archaeological Commission of the Manuscript Department of the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences] in *Prilozhenie. Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 12-140.

3. Bobrinskoi, A. A. (2003). *Graf Aleksei Aleksandrovich Bobrinskoi. 1852–1927 (Syn ob ottse)* [Count Alexey Alexandrovich Bobrinsky. 1852–1927 (Son about his father)] in *Kul'turnoe nasledie rossiiskogo gosudarstva* Saint Petersburg, Vesti Publ., 4, 479-532. (in Russian).

4. Bushev, A. B. (2015). *Ego-dokumenty: memuarnoe pis'mo* [Ego-Documents: a memoir letter] in *Vostochnoslavyanskaya filologiya. Yazykoznanie*, 1 (27), 19-27. (in Russian).

5. Vakhtina, M. Yu. (2009). *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya i izuchenie skifskikh drevnostei yuga Rossiiskoi imperii* [The Imperial Archaeological Commission and the Study of Scythian Antiquities in the South of the Russian Empire] in *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 402-486. (in Russian).

6. Veselovskii, N. I. (1918). *Bronzovyi pantsirnyi nagrudnik s izobrazheniem golovy Meduzy* [Bronze Breastplate with the Image of the Medusa Head] in *Izvestiya Arkheologicheskoi Komissii*, 65, 1-8. (in Russian).

7. Voronov, V. N., Ippolitov, G. M., Filatov, T. V. (2018). *Ego-dokumenty kak istoriko-psikhologicheskii istochnik issledovaniya problematiki Grazhdanskoi voiny v Rossii (1917–1922 gody)* [Ego-documents as a Historical and Psychological Source for Research into the Problems of the Civil War in Russia (1917–1922)] in *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*, 3 (71), 14-22. (in Russian).

8. Grigor'eva, O. V., Medvedeva, M. V. (2022). *L. A. Moiseev (1882–1946) i Gosudarstvennaja Akademija Istorii Material'noj Kul'tury: raboty v Krymu 1927–1929* [L. A. Moiseev (1882–1946) and the State Academy of the History of Material Culture: work in Crimea 1927–1929] in *Zapadnaya Tavrida v istorii i kul'ture srednevekovogo Sredizemnomor'ya. Materialy IV nauchno-prakticheskoi konferentsii, Chernomorskoe, 9–11 sentyabrya 2022*. Simferopol', ARIAL Publ., 48-62. (in Russian).

9. Grinenko, L. O. (2000). *Pis'mo grafa A. A. Bobrinskogo o drevnostyakh Severnogo Kavkaza* [Count A. A. Bobrinsky Letter about the Antiquities of the North Caucasus] in *Donskaya arkheologiya*, 3-4, 110-113. (in Russian).

10. Kutaisov, V. A. (2011). *Istoriya issledovaniya antichnykh pamyatnikov severo-zapadnogo Kryma* [History of the Ancient Monuments Study of the North-Western Crimea] in *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 17, 30-63. (in Russian).

11. Lebedev, G. S. (2003). Trudy A. A. Formozova po istorii russkoi arkheologii i ikh rol' v stanovlenii otechestvennoi arkheologicheskoi nauki [A. A. Formozov study on the Russian archeology history and their role in the development of domestic archeological science] in *Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiyu kandidata istoricheskikh nauk A. A. Formozova,* Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 24-34. (in Russian).

12. Medvedeva, L. M., Vseviov, L. M., Musin, A. E., Tikhonov, I. L. (2009). *Ocherk istorii deyatel'nosti Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii v 1859–1917 gg.* [The history of the Imperial Archaeological Commission in 1859–1917] in *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya*, Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 21-247. (in Russian).

13. Murzanova, M. (1931). *Vospominaniya A. A. Bobrinskogo* (1880–1881 gody) [A. A. Bobrinsky Memories (1880–1881)] in *Katorga i ssylka*, 3 (76), 73-129. (in Russian).

14. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy» (NAO GIAMZ "Tauric Chersonesos") [Academical and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonesos"], d. 146.

15. Platonova, N. I., Musin, A. E. *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya i ee preobrazovanie v 1917–1919 gg.* [The Imperial Archaeological Commission and its reorganization in 1917–1919] in *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya,* Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1065–1115. (in Russian).

16. Smirnov, A. S. (2011). *Vlast' i organizatsiya arkheologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii (ocherki institutsional'noi istorii nauki XIX – nachala XX veka)* [Power and organization of archaeological science in the Russian Empire (essays on the institutional history of science in the 19th – early 20th centuries)]. Moscow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. (in Russian).

17. Stoyanov, R. V. (2009). *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya i izuchenie Khersonesa Tavricheskogo* [The Imperial Archaeological Commission and the study of Tauric Chersonesos] in *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya*, Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 522–555. (in Russian).

18. Tikhonov, I. L. (2002). *Predvoditel' dvoryanstva, senator, deputat, ministr, arkheolog graf. A. A. Bobrinskoi* [Marshal of the Nobility, Senator, Deputy, Minister, archaeologist Count A. A. Bobrinsky] in *Znamenitye universanty. Ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 1, 72-88. (in Russian).

19. Tikhonov, I. L. (2003). *Poslednii predsedatel' Imperatorskoi arkheologicheskoi Komissii graf A. A. Bobrinskoi* [The last chairman of the Imperial Archaeological Commission, Count A. A. Bobrinsky] in *Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiyu kandidata istori-*

cheskikh nauk A. A. Formozova, Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ, 95-117. (in Russian).

20. Tunkina, I. V. (2011). *Istoriya otechestvennoi nauki na sovremennom etape : antropologicheskii povorot* [History of Russian science at the present stage: anthropological turn] in *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda*, Saint Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod, Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii Nauk, 2, 354-356. (in Russian).

21. Tunkina, I. V. (2017). *Bobrinskiy (Bobrinskoy) Aleksey Aleksandrovich* [Bobrinsky (Bobrinskoy) Alexey Alexandrovich] in Zhebelev, S. A. *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya. 1897–1921: Istoricheskii ocherk. Prilozhenie: Biobibliograficheskii slovar' chlenov RAO (1846–1924),* Moscow, Indrik Publ., 215.

22. Shamanaev, A. V. (2023). *Organizatsiya okhrany pamyatnikov Khersonesa v usloviyakh nemetskoi okkupatsii Kryma v 1918 g.* [The organization Chersonesos monuments protection under the of the German occupation of Crimea in 1918] in *Aktual'nye voprosy okhrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: sbornik statey po materialam IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Simferopol', 24–25 noyabrya 2022*, Simferopol', ARIAL Publ., 187-193. (in Russian).

23. Trigger, B. G. (2006). *A history of archaeological thought*. New York, Cambridge University Press.